

Ильиных О. В.

**О СООТНОШЕНИИ МЕТАФОРЫ И СОБСТВЕННО ОБРАЗНОГО СЛОВА В СОСТАВЕ
ОБРАЗНОЙ ЛЕКСИКИ**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-3/38.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. III. С. 91-93. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ничто не может заменить народу его национальный язык, существует реальная возможность направить огромный потенциал английского языка на потребности своей культуры, превратив его во вторичное средство национального культурного самовыявления в рамках межкультурной коммуникации. Английский язык необходимо поставить на службу одной культуре: способствовать воспитанию поколения людей свободно владеющих английским языком и в то же время не утративших связи с родной культурой и способных преобразовать этот язык в ключ к родной культуре для тех, кто незнаком с русским языком и культурой.

Список использованной литературы

1. Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике. - М.: Высшая школа, 1991. – 140 с.
2. Кабакчи В.В. Практика англоязычной межкультурной коммуникации. - С.-П.: Союз, 2001. – 475 с.
3. Каменская О.Л. Текст и коммуникация - М.: Высшая школа, 1990. – 151 с.
4. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. - М.: Слово / Slovo, 2000. – 262 с.
5. Cameron D. Good to Talk? The Cultural Politics of "Communication" // The European English Messenger/ - Vol. IX / 2, 2000/ - P. 38-42.
6. Cornet-Gentill Ch. Does cultural studies Exist in Spain? //The European English Messenger. - Vol. X/2, 2001. - P. 15-18.

О СООТНОШЕНИИ МЕТАФОРЫ И СОБСТВЕННО ОБРАЗНОГО СЛОВА
В СОСТАВЕ ОБРАЗНОЙ ЛЕКСИКИ

Ильиных О. В.

Томский политехнический университет

Актуальность разработки вопросов, связанных с изучением языковой образности в рамках лексико-семантического подхода, не вызывает сомнения. Это подтверждает целый ряд исследований, написанных в последние десятилетия и отражающих данную проблематику (Мезенин С.М., Блинова О.И., Лукьянова Н.А., Черемисина М.И., Аникина А.Б., Скляревская Г.Н., Телия В.Н. и др.). В то же время целостное представление теория лексической образности получила в трудах ученых Томской лингвистической школы - О.И. Блиновой, Е.А. Юриной. Основные теоретические положения данной концепции принимаются за исходные в нашей статье.

Под термином образность понимается способность единиц лексико-фразеологического уровня языка «обозначить определенное явление внеязыковой действительности (предмет, свойство, процесс, ситуацию) в ассоциативной связи с другим, не тождественным обозначаемому, явлением на основе их реального или мнимого сходства посредством внутренней формы языковой единицы» [Юрина 2005: 20]. К лексическим образным средствам относят следующие структурно-семантические типы: 1) метафоры (ЯМ) - семантически мотивированные лексические единицы с метафорической внутренней формой: *бросить* (о взгляде), *пылающий* (о сердце), *лента дороги*; 2) собственно образные слова (СО) - морфологически мотивированные слова с метафорической внутренней формой: *озвереть* 'стать жестоким, злобным, уподобившись зверю и утратив человеческие качества; *глубокомысленный* 'обладающий глубокими значительными мыслями, высказывающий их; свойственный мыслящему, проницательному человеку, сосредоточенный, словно бы имеющий глубокие мысли'.

В отличие от языковой метафоры, в собственно образных словах семантическая связь с мотивирующими единицами метафорическая, однако образное (метафорическое) значение является прямым значением слов подобного рода. Это возможно, «благодаря четкости их морфемного строения, сочетаемости в них определенных корней, ощущается и второй план, связанный с прямыми значениями мотивирующих слов. Взаимодействием буквального и переносного значений создается образ, живущий в семантической структуре подобных слов, а именно в этом обнаруживается их мотивированность» [Лопатин 1975: 53]. Так, если в семантике языковой метафоры метафоризация происходит на уровне внутренней формы лексико-семантического варианта одной лексемы, и для нее образное значение будет являться переносным, мотивированным значением, то «в морфологически мотивированных словах метафоризация происходит на уровне морфосемантической структуры лексемы, обладающей самостоятельным номинативным значением, которое и характеризуется образностью» [Юрина 2004: 108]. Можно говорить о том, что для собственно образных слов образное значение является прямым, а значение мотивирующих единиц - переносное, метафорическое. Итак, языковая метафора и собственно образное слово различаются способом воплощения образного представления - характером внутренней формы (его морфосемантической структуры) и типом мотивированности.

Однако между двумя структурно-семантическими типами образной лексики не существует жестких границ. В частности, они тесно взаимосвязаны в лексической системе и образном строе языка, то есть могут находиться в отношениях мотивации (составлять мотивационные пары, входить в мотивационные цепочки, мотивационные парадигмы) и отражать общее типовое образное представление. При этом языковая метафора способна выступать лексическим мотиватором собственно образного слова: *везти* ЯМ 'об удаче в чем-либо' → *везучий* СО 'такой, которому везет; удачливый'; *запутанный* ЯМ 'сложный, трудный для уяснения, понимания' → *запутанность* СО 'сложность, трудность для уяснения, понимания каких-либо вопросов, проблем, которые словно бы запутаны'.

Мотивационные отношения могут разрушаться, если одно из звеньев «образной» цепочки утрачивается, чаще всего это происходит в связи с утратой языком метафоры-посредника на более раннем этапе его развития. Так, современными словарями русского языка не зафиксировано переносного значения у слова *хоровод*, мотивирующего собственно образные слова *хороводить* 'нянчить, словно бы ходить вокруг, как в хороводе'; *хороводиться* 'возиться с кем-, чем-нибудь, иметь дело, преимущественно длительное, хлопотное, словно бы ходить долго по кругу, как в хороводе'; *захороводить* 'увлечь кого-либо, вскружить кому-либо голову, словно бы закружить в хороводе'. Однако в словаре В. Даля встречается глагол *хороводить* в значении 'петь, ходить хороводом'. От этого слова на основе метафорического переноса создано новое слово - языковая метафора *хороводить*. В современном русском языке прямое, необразное значение слова не сохранилось, утратилось. Поэтому глаголы *хороводить*, *захороводить*, *хороводиться* перешли из группы языковой метафоры в группу собственно образных слов. Этот процесс можно наблюдать и в следующих примерах: [*заразительный* (необразное слово с пометой *устар.* 'о болезни') → *заразительный* ЯМ] → *заразительный* СО 'легко передающийся другим, словно заразная болезнь (о смехе)'; [*блистательный* НО с пометой *устар.* 'издающий блеск, светящийся; сверкающий' → *блистательный* ЯМ] → *блистательный* 'великолепный, роскошный; выдающийся, замечательный, превосходный, словно издающий блеск, светящийся'. Так, утрата метафоры-посредника как звена «образной» цепочки может считаться одним из средств пополнения состава собственно образных слов за счет сокращения числа метафор. При этом из языка исчезают необразная мотивирующая единица, и, следовательно, языковая метафора.

В ходе анализа были выявлены случаи, отражающие еще не завершившийся процесс утраты языком метафоры-посредника. Выводы производились с использованием приема интроспекции, а в затруднительных ситуациях, связанных со сложностью в интерпретации языкового явления, применялись данные, полученные в ходе пилотажного опроса среди носителей русского литературного языка. Мы предположили, что существует ряд слов, которые отражают процесс перехода метафор в разряд собственно образных слов. Респондентам было предложено дать определение следующим словам, не задумываясь: *волноваться*, *укорениться*, *базарить*, *бесхребетный*, *безрукий*. Опрос выявил следующее: носителями языка в первую очередь осознается образное значение лексической единицы: *волноваться* 'сильно переживать, беспокоится', *укорениться* 'закрепиться, словно пустить корни', *базарить* 'разговаривать, болтать', *бесхребетный* 'безвольный, бесхарактерный', *безрукий* 'тот, который ничего не умеет делать, у кого все валится из рук'. Можно говорить о том, что необразная единица, являющаяся мотиватором языковой метафоры, характеризуется низкой частотностью использования в речи, ее значение не актуально в большинстве ситуаций общения, к примеру: человек в «обычной» жизни чаще говорит о своих чувствах, используя лексему *волноваться*, нежели описывает состояние моря, реки, луга, поля с травой, сеном и т.д., что характерно для языка художественной литературы, поэтического языка - эстетической сферы. В ряде ответов респонденты указывали, что значение слова *волноваться* 'о человеке' первично по отношению к значению 'о том, что создает волны'. Проведенный опрос позволяет предположить, что, данная группа образной лексики занимает пограничное положение между метафорами и собственно образными словами.

Прозрачность границ между двумя структурно-семантическими типами образной лексики подтверждают многочисленные примеры образных слов, взятые из словарей современного русского литературного языка. Так, достаточно обширную группу составляют цветные прилагательные, характеризующие круг материальных объектов на основании соотнесения их с образом-эталоном - артефакта, натурфакта: *вишневый*, *бажанный*, *пепельный*, *кремовый*, *молочный*, *рубиновый*, *лимонный*, *сливочный*, *агатный*, *аквамариновый*, *атласный*. Данные слова имеют прямое, необразное значение в языке: *вишневое варенье*, *лимонный сок*, *сливочное масло*, *молочный коктейль*, *аквамариновые серьги*. Можно предположить, что метафоризация в данном случае происходит на уровне внутренней формы лексико-семантического варианта одной лексемы: слово приобретает образное значение, при этом не претерпевая изменений в морфемной структуре, как это обычно бывает у метафоры. Однако здесь мы наблюдаем нечто иное: если бы образное слово *лимонный* квалифицировалось как метафора, тогда в качестве мотивирующего признака было бы взято одно из значений данного необразного слова 'свойственный лимону; приготовленный из лимона, с лимоном'. На самом деле мотиватором становится лексическая единица *лимон*, актуализирующая одну из сем 'овальный плод, имеющий *светло-желтую окраску*'. В результате процесс метафоризации затрагивает морфосемантическую структуру лексемы, обладающей самостоятельным номинативным значением, поэтому можно говорить, что данная единица входит в состав собственно образной лексики: *лимон/ный* 'светло-желтый, по цвету напоминающий кожуру лимона'. Приведем еще примеры как доказательство подвижности границ между разрядами: *бордо* 'сорт красного вина' → *бордо* ЯМ, *бордовый* СО 'темно-красный, цвета красного вина'; *соты* 'ячейки из воска' → *сотовый* 'содержащийся в сотах, предназначенный для сот' и *соты* ЯМ → *сотовый телефон*, *сотовая связь*.

Связь языковой метафоры и собственно образного слова проявляется также в системе неологизмов - слов, обозначающих новое явление (денотат, реалию) или понятие [Попова 2005: 15]. Одним из способов номинации может стать процесс метафоризации, где прежде необразные слова приобретают новые образные смыслы. Метафоризация протекает на уровне внутренней формы лексико-семантического варианта одной лексемы (семантические неологизмы - метафоры): *живое исполнение песни*, *отмывание денег*, *крыша* 'прикрытие, покровительство вышестоящими', *грузить* 'навязчиво передавать, сообщать большое количество информации; вести пустые, бессмысленные разговоры; лгать, обманывать'; и на уровне морфосемантиче-

ской структуры лексемы (словообразовательные неологизмы - собственно образные слова): *тусануться* 'отдыхать, проводя время на дискотеке, как бы быть картой в тасуемой карточной колоде', *видеопиратство* 'нарушение авторских прав в видеобизнесе', *невъезжучий* 'непонятливый, несообразительный, словно тот, кто не может въехать'. Образные неосемемы и неолексемы могут вступать в мотивационные отношения, создавая мотивационные пары: *не въезжать* → *невъезжучий*, *крыша* → *крышевать*, *выступить* → *выступала*; или мотивационные цепочки: *знать* → *гонщик*; *грузить* → *грузин*, *грузчик* → *грузия*, *грузилово*. В результате метафоризации можно наблюдать появление слов, вступающих в омонимичные отношения с уже существующими в языке необразными словами: *гонщик* 'участник спортивных гонок' и 'обманщик, любитель рассказывать небывлицы; шутник, словно тот, кто гонит, понуждает двигаться'; *Грузия* 'государство в Азии' и *грузия* 'ерунда, лишняя, ненужная информация, словно лишний груз'.

Анализ разного рода отношений в составе образной лексики представляется весьма перспективной и актуальной задачей, так как связан с исследованием закономерностей, влияющих на квалификацию образной лексической единицы в рамках структурно-семантических разрядов. Информативным источником для решения данной задачи могут стать данные современных словарей русского (включая неологические словари, словарь молодежного сленга) и данные психолингвистических экспериментов среди носителей языка.

Список использованной литературы

1. Блинова О.И. Введение // Словарь образных слов и выражений народного говора. - Томск, 1997. - С. 3-12.
2. Ильиных О.В., Юрина Е.А. Типология собственно образных слов с точки зрения характера мотивирующих единиц // Теоретические и прикладные аспекты филологии. Сб. науч. тр., посвящ. 10-летию кафедры РЯЛ ИЯК ТПУ / Под ред. З.И. Резановой. - Томск: STT, 2004. - С. 31-38.
3. Лопатин В.В. Метафорическая мотивация в русском словообразовании // Актуальные проблемы русского словообразования. - Ташкент, 1975. - С. 53-57.
4. Попова Т.В. Неология и неография современного русского языка: учеб. пособие / Т.В. Попова, Л.В. Рацибурская, Д.В. Гугунава. - М.: Флинта: Наука, 2005. - 168 с.
5. Юрина Е.А. Мотивационно-образные лексические парадигмы в среднеобских говорах. // Мотивология, ономастология, лексикография: современное состояние и перспективы. - Коктешау, 2002. - С. 137-143.
6. Юрина Е.А. Образный строй языка. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. - 156 с.
7. Юрина Е.А. Собственно образное слово как структурно-семантический разряд образной лексики // Комплексное исследование образной лексики языка. Бюллетень оперативной научной информации. 2004. №38. Ноябрь. - С. 107-138.

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ НЕКОТОРЫХ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА РАЗВИТИЕ КАТЕГОРИИ ОДУШЕВЛЕННОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ильченко О. С.

Кубанский государственный университет, филиал в г. Новороссийске

Поскольку древние памятники отражают факт постоянных колебаний между В=Р и В=И среди нарицательных существительных, то в историко-лингвистической литературе высказывались различные гипотезы относительно влияния тех или иных лексико-грамматических факторов на развитие категории одушевленности в русском языке. Правомерность выделения **особых условий**, способствующих или препятствующих закреплению новой формы В.п, до сих пор вызывает споры среди историков языка.

Так, общим местом многих работ является утверждение о том, что способствует сохранению старой формы В.п. сочетание существительного с притяжательным местоимением **свой**. Одним из первых эту гипотезу выдвинул А.И.Томсон [Томсон 1908: 239], ему вторят А.А.Шахматов [Шахматов 1957: 51] и многие другие исследователи языка. В.Б.Крысько же считает это условие надуманным [Крысько 1994: 13].

Представим примеры с формой В=Р при местоимении **свой**, извлеченные нами из *книжно-литературных* текстов древнерусского периода:

а) *переводные*: **Своего** принимъши **сѣдѣтеля** (Мин. сент., 34. 1096 г.); **И** навадиша **на** **епспа** **своего** (Патерик Син., 244. XI - XII вв.); **И** остави въ **наслѣдники** **оца** **своего** (Усп. сб., 62. XII - XIII вв.); **Иоанъ** ... **посъла** **дрѹдника** **своего** **мѹжа** **рѣчива** (там же, 287); **иди**, **рече**, **моли** **ва** **своего** (там же, 279);

б) *оригинальные*: **Не** **бѹди** **ми** **възяти** **рѹки** **на** **брата** **своего** **и** **еще** **же** **на** **старѣшина** **мене** (Ж. Бор. Глеб., 15. XII в.); [**Новгородцы**] **сдѹмаша**, **яко** **изгонити** **князя** **своего** **всѣволода** (Новг. I лет., 129); **Бн** **челомъ** **на** **брата** **своего** **на** **Дмитрия** (там же, 298); **кормящи** **сна** **своего** **до** **мѹжства** **его** **и** **до** **взраста** **его** (Лавр. лет., 64); **И** **взяша** **и** **Стополкъ** **акы** **тѣстѹ** **своего** (там же.); **Посла** **к** **ним** **сна** **своего** **Ростислава** (там же, 102); **Понма** **зѹта** **своего** **Володимерковича** (там же, 116); **Посла** **Ярославъ** **сна** **своего** **Володимера** **на** **Грькы** (там же, 154); **а** **ждѹчи** **к** **совѣ** **брата** **своего** **Іарослава** **с** **полкы** (там же, 160); **Посади** **сна** **своего** **Мьстислава** **Полотьскѣ**, **он** **же** **вскорѣ** **ѹмре** **тѹ** (там же, 169).

Видимо, нет оснований связывать выбор падежной формы только с фактом наличия притяжательного местоимения **свой**, как это делают многие исследователи. Возможно, сам А.И.Томсон, говоря о консервативности сочетания с местоимением **свой**, имел в виду не столько формальную сторону таких конструкций, сколько содержательную. На наш взгляд, выбор В=Р порождает не сам факт наличия притяжательного местоимения. Пассивную роль объекту, вероятно, потенцирует такая семантика конструкции, в которой ме-